

Полковник Елисѣевъ

ПАРТИЗАН ШКОЛО

А 1^н

Февраль 1955г.
Нью-Йорк.

От автора.

Мелал дать болѣе подробное описаніе событіи "Ставропольскаго періода" за іюль и август мѣсяцы 1918 года, связанных с именем нашего Штаб-офицера Кубанскаго Войска А.Г.Шкуро - я выпускаю двѣ брошюры, посвященныя этому времени, под заглавіем -

- ПАРТИЗАН ШКУРО -

В них изложены событія в хронологическом порядкѣ и названы лица, как причастныя к героическому походу Шкуро из Баталпашинскаго отдѣла в Ставрополье, так и другія, встрѣчаемыя мною тогда по разным причинам того неспокойнаго времени, полнаго тревоги, долга и мечтаній.

Вторая брошюра есть прямое продолженіе "первой", в которой закончен описаніа всѣх пертурбацій, случившихся со Шкуро в этот его Ставропольскій період времени, послѣ котораго, во главѣ своей "Партизанской бригады" молодецк^х казаков-Хоперцев - он прорвал фронт красных в районѣ Невинномисской станицы, вторгся вновь в Баталпашинскій отдѣл, поднял там "на-ноги" всѣх казаков, черкесов, осетин, карачаевцев и казаков Пятигорскаго отдѣла Терскаго Войска ближайших станиц к Кубани - чѣм открыл новую "ЗОЛОТУЮ СТРАНИЦУ СЛАВЫ" себѣ и Родному нашему КУБАНСКОМУ КАЗАЧЕСТВУ.

В "ХРАМѢ ВОЙСКОВОЙ СЛАВЫ",

с Партизанъ Ш к у р с о.

В 1934 году, небольшая труппа Кубанских джигитов, из Итали, на парусном корабле пересѣла Средиземное море, потом Красное/Черное/ и Аравийское, висѣла в Бомбей/западный порт сказочной Индіи/, продолжала путь в своей работе на конѣ до Калькуты/восточный порт Индіи/, морем дошла до Сингапура на Юлланском полуостровѣ, дала свои представленія там и, пройдя экватор - высадилась на островѣ Ява, в главном городѣ Батавіа.

Мы попали в совершенно незнакомый нам міръ, экваторіальный и, чисто, райскій.

Гробовая тишина. Ни деревья, ни рис, разсаженный в топи грязи, со своими жирными, словно гроздья, колосьями - не похлопнуть в своей тропической дремотѣ. Громадные цвѣточные кусты нѣжноласкающих отбѣлков цвѣтов небесной радуги - чаруют Ваш глаз своею красотою, притягивают к себѣ. Многія сорта деревьев, выѣсто листья - усыпаны бутончиками своих цвѣтов. Мы тянемся руками к ним, срываем их и... разочаровываемся: они совершенно не дают никакого запаха.

Темная ночь спускается быстро. Небо появилось не высоко над нами - черное, загадочное. Оно все усыпано мириадами ярких звѣзд: словно густо рассыпанный жемчуг на темной, слегка синеватой ткани. Хочется без конца стоять и любоваться великими тайнами Божества-Природы.

Днем томительная, нудная, парящая Вас, как в банѣ, жара. В полдень - солнце находится на сѣверѣ от Вас и Вам кажется это очень странным и неестественным.

Сѣверный берег острова настолько низкій, что он сливается с морем: как лужа воды в степи послѣ дождя. Рыбаки-малайцы, со своими сѣтями в порт, в двух километрах от берега - бродят "по-колѣно" в водѣ. Затхлый, вѣками прогнившій разный, "нанос" с моря - неприятен. Само море тихое, но эта низина сѣвернаго берега - наводит Вас на размышленіе, что если поднимется буря, то громадная волна, плеснув на берег - затопят весь остров и здѣсь погибнут все в своей безпомощности против морской стихіи, в том числѣ и мы, Кубанскіе казаки, случайные гости здѣсь.

Заираждалось чувство полноты безпомощности и от топящей жары, когда и ночью незвѣз было заснуть нормально и от угрозы быть "морской катастрофой".... Звѣчно дымящіе вулканы - 30 "бодравушских" и до 70-ти "потухших" - как бѣ усиливают осознаніе твоей чуждой и лавинской ничтожности.

Конечно, это нам "казалось", и чуждые мѣстные жители, как голландцы-новоиззасторы, так и малайцы - этого совершенно не ощущали.

При таком состояніи разсудка, наше Стечение нам представлялось/интересно/ гдѣ то далеко-далеко от нас находящееся, за многими силами морями, теперь неведомы ины для нас, отрезанные от нас и, Бог его знает - увидим ли мы его вновь?.. И от этого всего - в душу задала какая то тоска, "тоска по Родинѣ" - и не забывалась в ней не забывалась любовь и нежность по

Захотелось "пѣть" и сказать то - "что глаза мои видѣли", что сам испытал - и в стѣнѣ родной, и в полях гдѣ служил, и на фронтѣ двух долгих и жестоких войн, и все то, что пережил сладкаго и горестнаго "на берегах Кубани".

Это было нѣлѣзко. И я стал писать.

Прорываем "верхом на конѣ по Бѣлу Свѣту" новыя Страны - Филиппинскіе острова, Хонг-Конг, Королевство Аннам, Камбоджа, Сiam, Малайскій полуостров, Буриу, вновь Индію, остров Суматра и в Сайгонѣ, в Индо-Китаѣ, в 1941 году - труд был закончен. В нем повѣдано о тѣх полках, в которых служил и командовал, начиная с 1910 года, по 1940 закончилъ. Списки был полков, поручиков, сотников, г.г. офицеров, урядовъ и казаков многого времени, по чинам и полкам войн - Первая 1914-17 и гражданской 1918-20 г.г.

Списки казачества:

1. 2-й Екатеринодарскій, Каменго Атамана Чепѣги, поля в 1910г.	800
2. Оренбургское казачье войское училище - 1910 - 1913г.г.	700
3. 1-й Кавказскій полк - 1913 - 1913г.г.	1.560
4. Корниловскій конный полк осенью 1918 и весной 1919г.г.	600
5. Шеф полка, Генерал Корнилов	450
6. 3-й Уманскій полк	100
7. 2-й Хоперскій полк зимой 1919 и 1920г./от Воронежа до Новочеркасской-	600
8. 4-й Лабинскій, Генерала Засса, полк, 2-я Кубанская /Улагасовская/ ка-	
зачья дивизія в 1920 году	1.000
Всего -	

Все это издать, при нашем безденежном положеніи - невозможно.

В информационном журналѣ Кубанской канцеляріи, под названіем "КАЗАК", издаваемом Кубанским Войсковым Атаманом Генералом Науенко, в 1939, за октябрь 1951 года, помещено было мое "Обращеніе", под заглавіем:

В "ХРАМ ВОЙСКОВОЙ СЛАВЫ";

слѣдующаго содержанія, -

В 1939 году, находясь с дивизионом на островѣ Суматра - я написал большую статью в журнал "КАВКАЗСКІЙ КАЗАК" /издававшійся в Бѣлградѣ, Югославія, Войсковой канцеляріей/, приуроченную к 20-лѣтію трагической гибели на Маннчѣ, в бою против красных, Командира Линейной бригады, Генерала Георгіи Константиновича Маневскаго, казака станицы Царской Мунгопскаго отдѣла, моего долгаго Командира сотни на Турецком фронтѣ в войну 1914-17г.г., благороднѣйшаго и умнѣйшаго офицера Кубанскаго Войска - моего Начальника, Наставника и глубокаго друга и озаглавил эту статью - в "ХРАМ ВОЙСКОВОЙ СЛАВЫ", призывая этим и других Кубанских казаков писать - и о доблести своих полков, и о доблестях, проявленных г.г. офицерами, урядниками и казаками в двух долгих и жестоких войнах на нашей памяти.

Я имѣл ввиду, что хоть подобными описаніями героических и трагических годов этих войн - создать "Литературный Храм Войсковой Славы", так важный и цѣнный не только что для нас но, главным образом, для Исторіи Войска и нашего потомства.

Эта статья не успѣла появиться в Казачьей печати, т.н. споро началась вторая Мировая война, а с нею и новая наша трагедія.

Потом все пошло прахом....

Теперь мы немного успокоились ото всѣх бывших бѣд, регулярно издается

Атаманскій журнал "Казак", и мы можем, мы должны повѣствовать о дѣлах
милыхъ дней на поляхъ прошлыхъ жестокихъ войнъ.

Но по возможности, пишу и очень удивляюсь, даже, огорчаюсь и безко-
нечно болѣе душой, что другіе офицеры и, главнымъ образомъ, кадры, не
- молчатъ о проявленныхъ доблестяхъ своихъ родныхъ яр, брѣхъ полкахъ, словно
ихъ и не было въ жизни Войска.

- " -

За 5 с лишкомъ лѣтъ пребыванія въ Америкѣ - напечатано мною въ русскихъ
газетахъ и казачьихъ изданіяхъ до сотни статей о Кубани, о Казачествѣ. Но -
разрознить трудъ не хорошо. Поэтому я рѣшилъ издать отдѣльными брошюрами
краткія выдержки изъ своихъ записокъ. Каждый брошюра будетъ продолженіемъ
предыдущей.

Первая изъ нихъ - Партизанъ Пкуро.

Находясь за-границею - мы долго ждали выхода въ свѣтъ его воспоминаній
о его героическихъ рейдахъ - лѣтомъ 1918 года изъ Баталпашинскаго отряда въ
Ставрополье во главѣ возставшихъ казаковъ Баталпашинскаго и Лабинскаго от-
рядовъ, а въ 1919-мъ, во главѣ 1-й Кавказской казачьей дивизіи, состоявшей изъ
4-хъ Кубанскихъ конныхъ полковъ, от Ростова по Украинѣ, черезъ Екатеринославъ
на Воронежъ.

Они не появились.

Одинъ Членъ Кубанскаго Краевого Правительства, человекъ умный и вдумчи-
вый - далъ прочитать мнѣ свои записки по Кубани въ періодъ 1918-19-г.г. и
позволилъ взять изъ нихъ выписки, меня интересующія. Я выписалъ только то, что
касалось рейда Войска Старшины Пкуро лѣтомъ 1918 года.

По нѣкоторымъ причинамъ, авторъ ихъ не можетъ издать свой трудъ, какъ и ог-
ласить свое имя, вотъ почему, пользуясь его любезностію, я и выпускаю эту
брошюру, относящуюся къ первымъ подвигамъ Пкуро.

Авторъ ихъ считался на Кубани, по политическимъ убѣжденіямъ, "лѣвымъ" и опре-
дѣленнымъ республиканцемъ. Онъ человекъ штатскій. Вотъ почему его записки о Пку-
ро не предвзяты и особенно цѣнны.

Что бы читателямъ понятнѣе были дальнѣйшія мои описанія - почему, гдѣ и
какъ я принималъ участіе въ гражданской войнѣ - даю начало своимъ личнымъ и
семейнымъ событіямъ, періода пребыванія Партизанскаго отряда Пкуро въ Ставро-
поломъ районѣ.

Въ гражданской войнѣ 1918-20 годовъ, въ сердцахъ Кубанскаго казачества, Ге-
нералъ Пкуро признанъ былъ Героемъ Кубани. Ему мы и отдаемъ полную свою дань
любви и восхищенія за первые его подвиги.

Полковникъ Елизѣевъ.

Январь 1955 г.

Пыль-Пора.

П А Р Т И З А Н П К У Р О.

На заседание Кубанской Краевой Рады на станции Тихорецкая 5 июля 1918г. появился молодой Партизан Пкуро. С его именем пришлось познакомиться раньше.

Еще в ноябре 1917г., когда вновь поставленное Краевое Правительство приступило к своей деятельности - на его рассмотрение поступило несколько прошений "о переименовании фамилий". Среди них была просьба Войскового Старшины Пкура изменить свою фамилию на "Пкуранский".

Правительство удовлетворило эту просьбу.

Пкуро-Пкуранский характеризовался при этом как в селен и безшабашный офицер, но талантливый и удачный Партизан и умевший создать вокруг себя соответствующее окружение из казаков. Был не пруч при этом и оригинальничать: набрал при развале Армии казаков "волнов".

Теперь пред нами предстал, вопреки создавшемуся саочному представлению, миниатюрная фигурка казачьего офицера с нервно подергивающимся лицом, с гасительной кривою улыбкою. Чин - Полковник. А говорили, что он только Войсковой Старшина.

Самовольное проскакивание через чин, было в обычае того времени, когда утерялась следящее начальническое око.

Извещение Правительства о согласии на переименование его фамилии, к нему, повидимому, не дошло, но он уже успел усвоить другое имя - не Пкура и не Пкуранский, а - ПКУРО.

Он почитал это более благозвучным.

Председательствовавший в Раде Рябовол, давал ему слово для доклада, провозгласил: "слово предоставляется Полковнику Пкуранскому".

Доклад Пкуранского был очень краткий, но очень красочный изображал деятельность самого Войска, его движение. Рада, выслушав доклад Полковника Пкуранского внимательно. Один делегат Айкопского отдела предложил, даже, поощрить его производством в Генералы.

Это предложение сочувствия не встретило, но состоялось постановление командировать в Страну, к месту его нахождения в Ставропольской губернии - одного Члена Правительства и одного Члена Рады.

Выбор пал на меня/давшего мнѣ эти записки, Ф.Е./ и Члена Рады от Баталпашинскаго отдѣла, Усачева.

Нашей задачей было:

1. Ознакомить на мѣстѣ с состояніем Отряда и его настроеніем,
2. Со своей стороны - ознакомить его съ взглядами Правительства и Рады на сущность противобольшевистской борьбы, на организацію и состояніе противобольшевистских сил и пр.
3. Поддержать, и всячески поощрять, противобольшевистскія настроенія казаков Отряда.

ДОБРОВОЛЬЧЕСКІЙ ГУБЕРНАТОР.

По желѣзной дорогѣ мы должны были доѣхать до станціи Песчано-Окопской, а оттуда, на автомобиль, до села Медвѣжье и, в село Ладомская Балка, гдѣ должен быть находиться в то время Отряд Пкуро. Когда мы усаживались в Песчано-Окопской в ожидавшій нас автомобиль-полугрузовик вооруженный пулеметами - и нам сѣл в машину Генерал преклоннаго возраста. Садится и, обращаясь к провожавшему его молодому офицеру, говорит: "дайте мнѣ, хотя бы, винтовку... все же пригодится в случаѣ нападенія большевиков: будет с чего застрѣлиться..."

Мы переглянулись с Усачевым.

Тронулись. Наш Генерал держится скромно и сосредоточенно. Винтовку из рук не выпускает. Разговор, если и поддерживает, то, во всяком случаѣ, без особой охоты.

Из завязавшагося потом разговора, выяснилось, что ѣдущій с нами Генерал, ни кто иной, как вновь назначенный Ставропольскій Губернатор.

Совершенно опереточный персонал на фонѣ крови и горенія дуга.

ПКУРИНСКІЙ ОТРЯД.

К вечеру мы подѣхали к селу Ладомская Балка. Пкуро в Отряд с нами не пѣхал, а выѣхал в Кавказскую, только что занятую дивизіей Генерала Боровскаго.

За селом, расположив повозки нѣсколькими рядами, сконцентрировавъ их - стояли табором "Пкуринцы", как в былые времена Запорожцы. Штаб Отряда помѣщался в этом богатом большом селѣ у зажиточнаго купца. Начальник Штаба Отряда Полковник Слащев /тогда он имѣлъ псевдоним "Полковник Яшин", от своего имени Яков/ и нѣсколько офицеров составляли этот весь Штаб. Они ватрѣчают нас с интересом, но осторожно: кто, и зачѣм пожаловали?

Пока мы принимались за предложенную нам чашку чая - Слащев удалился с Есаулом Мелыниковым, возвратившись от Пкуро выѣсть с нами, для заслушанія его доклада.

Сладев, возвратясь - спокойно, дѣловито возобновляет разговор, на тему: как организована Кубанская Войсковая власть, какія взаимоотношенія с Командованіем Добровольческой Арміи и пр. Он тут же дает краткую інформацію о своем Отрядѣ.

Отряд, почти весь без исключенія, состоит из Кубанских казаков. Он много переносит невзгод, но бодрости не теряет.

Все у Сладева /это именно тот Сладев, будущій Генерал и защитник Крыма в 1919-20 г.г./ складно и дѣловито. Он офицер Генеральнаго Штаба выпуска из Академіи 1912г.

Генерал Уваров выступал, в міру обнаружил уваженіе и начальству, но дал ясно понять, что в Отрядѣ, впрямь до возвращенія Полковника Шкуро, он, Полковник Сладев - есть главный Начальник Отряда, и полномочія Губернатора начнутся с занятіем главнаго города губерніи - Ставрополя.

Нам же он, Сладев, обѣщал свое содѣйствіе по взаимному ознакомленію с казаками, когда всѣ будем в Ставрополѣ. А пока что - сдѣлаем остальную часть похода совместно.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СТАВРОПОЛЬ.

От Начальника Отряда Полковника Шкуро, оказывается, Сладев получил директиву, доставленную сюда выѣсть с нами через Есаула Мельникова - "немедленно двинуться и взять Ставрополь".

Часов в 6 вечера был отдан приказ о выступленіи, и к часам 8-ми подводы вытянулись в длинную ленту до слѣдующей переправы. Ночной привал дѣлали в попутном селѣ, кажется, "Птичье". Весь Штаб и мы - всѣ спали в одной комнатѣ, и на полу. Постепенно знакомились с людьми Отряда.

С разсвѣтом двинулись дальше. Спустились в открытую и ровную низину. Весь Отряд перед глазами.

С нами, со Штабом, идут главныя силы. В сторону от нас, с полверсты - гарцует сотни полторы казаков бригады Под-Есаула Солодкого.

Сил, вообще говоря, немного, но отдѣльныя части Отряда носят громкія названія: бригада, полки и т.д.

В Отрядѣ не было ни одной пушки. Было нѣсколько бомбостов. При общей массѣ людей без пушек, все же, одиноко трусился на лошади Полковник Сейдлер, именующій "начальником артиллеріи".

Главныя силы - пластуны на подводах, конница на лошадях. Собственно говоря, точнаго раздѣленія казаков на пѣхоту и кавалерію не было. Достав лошадей, казак с удовольствіем садился в сѣдло, предпочитая быть в конницѣ. А в общем - как выѣхали из дому, так и ѣдут теперь по степям Ставрополя на собственных лошадях и в собственном одѣянніи. У тѣх, кто с, умѣлъ отбить у большевиков винтовку, был счастлив. У нѣкоторых лишь берданки или охотничьи ружья.

В общей сложности боевых сил было:

- бригада пластунов около 1.000 человек и
- дивизія конницы около 2.000 - 2.500 казаков.

ОТДѢЛЬНЫЕ ПЕРСОНАЖИ.

Неподалеку гарцевал на недурной лошади всадник. Грязная-грязная рубашка, разорванная с верха до низу и связанная узлом... Изодранные шаровары... на босу ногу чевяки... Все вооружение — о боку шашка. В профиль просвѣчивает голое тѣло — грязное, обвѣтрившееся. Лицо загорѣлое.

Как из меди вылитый человек.

Другой — Сотник Брянцев.

По общему отзывам — очень хороший офицер. Сейчас его внешность — типичная для карачаевцев: конусообразная бурая войлочная шляпа; череска вся в заплотах; на ногах самодѣльные из сырой кожи чевяки — носты без подошв...

И это — обыкновенная картина

— " —

Подходим к большому селу Московскому. Движение по за-околицей. В сторону дворов высылаются лава комендантской сотни. Никому не позволяется входить в село.

Когда приходим на церковную площадь и располагаемся табором — Славцев направляет к сельским властям просьбу: доставить продовольствия его Отряду на время привала. Власти выполняют эту просьбу и все выходит, как говорят, — чинно и благородно.

Такой порядок произвел на нас благоприятное впечатление.

— " —

С именем Шкуро связано очень много рассказов о легкомысленном отношеніи к чужой собственности не только близких ему людей, но даже, его самого.

Не могу утверждать, было это или нѣтъ, в особенности потом, в зенитъ его славы, но в описываемый момент, мое впечатлѣніе вполне благоприятно как в отношеніи руководства Отряда, так и в отношеніи его рядовой массы.

Сильно бѣдствовали сами, но населенія не обижали.

УЛЬТИМАТУМ КОМИССАРАМ Г. СТАВРОПОЛЯ.

Полковник Шкуро, отправляясь к нам для доклада в Тихорѣцкую, послал большевистским комиссарам Ставрополя требование: "очистить город, иначе он подвергнет его бомбандировки из тяжелой артиллерии".

Как уже было сказано выше — ни одной пушки в Отрядѣ не было. Угроза была сплошной "партизанщиной", но она была сдѣлана и были назначены сроки, когда должно быть произведено очищение города. Эти сроки приближались, и теперь Отряд шел занимать город.

Когда солнце склонилось к западу — мы двинулись из селенія Московскаго по направленію к Ставрополю.

ГИПНОЗ ИГНИ.

На странныя умозаключенія наводят явленія гражданской войны.

Существует очень распространенное мнѣніе о так называемом — "Обаяніи личности отдельных людей".

В гражданской войнѣ приходилось наблюдать особый гипноз "Имени", и этим часто хочется объяснить особую удачливость отдельных носителей.

К таким именам нужно отнести и имя Андрея Григорьевича Цукуро. Как будто не зря он занимается с такой настойчивостью звуковой стороной своей фамилии:

ЦУКУРА, ЦУКУРАНСКИЙ, ЦУКУРО.

При началѣ знакомства со Цкуро, Вам прежде всего бросается в глаза его миниатюрность, подвижность, непосредственность и, говоря правду, незначительность. Между тѣм, заочно, при часто повторяемом имени, у Вас создается представление о строгом карителѣ противника, неумолимом мстителѣ за обиду, жестоком и безпощадном преслѣдователѣ — Партизанѣ Цкуро.

Я не берусь утверждать, что все то, что я сейчас приведу — абсолютно вѣрно, но, в Штабѣ Цкуро, утверждали, отнюдь без желанія поставить себя, или своему Вождю, заслугу, а именно: за весь, довольно длительный и обильный вслѣдствием осложнений, поход Отряда Цкуро по Ставрополю и сѣверной части Кубани — только один раз назначенный военно-полевой суд приговорил подсудимаго к высшей мѣрѣ наказанія — к смертной казни. И это был комиссар Петров, бывший мѣстный штабс-капитан, прославившійся жестокостями.

Он бѣжал из Ставрополя с деньгами и пулеметами на автомобилѣ. В селѣ Кугульта, его и четырех его спутников захватила авангардная сотня. Был назначен суд, председателемъ которого был офицер Отряда, юрист по образованію, а членами суда — выборные казаки-старики от каждаго полка.

Этот суд приговорил Петрова, и всѣх, кто был с ним, к смертной казни.

Считая, что такое наказаніе по отношенію к спутникам Петрова слишком сурово — Цкуро приговор не утвердил, а перенес дѣло на рѣшеніе всего Отряда.

И, вообще — как подписать смертный приговор? На каком основаніи?

Громада Отряда здѣсь — Верховная Власть. Пусть она и рѣшает!

Сначала Цкуро удалось доказать невиновность бывших при Петровѣ пофера и его помощника и их отпустили на всѣ четыре стороны. По отношенію к остальным трем подсудимым — из рядов Отряда, слышались крики:

"Смерть?... Смерть?...."

Послѣ этого Цкуро утвердил смертный приговор Петрову, а двум его приближенным, высшую мѣру наказанія, замѣнил "поркою".

Отряд с таким мнѣніем согласился.

Их выпороли и отпустили. Петров же, перед смертью, просил, что бы его тѣло было отправлено на материю, что и было выполнено.

Это было в селѣ Константиновском.
Участники рассказывали, что Петров умер мученично.

ПРОКЛАМАЦІИ ПИКУРО.

Пикуро дрался, буд-то бы, со встрѣтившейся организованной воинской частью красных, а с мирным населеніем обращался хорошо:

"Не трогайте меня - и я Вас не трону!"

Кормиться труду надо. Населеніе - давай продовольствіе.

Иногда отпущенное крестьянами продовольствіе и бурак оплачивается, если касса Отрада не пуста, если при предыдущей стычкѣ с красными - в нее что то попало. В противном случаѣ - кормились "за русское спасибо" и выдавали квитанціи с обязательством уплатить по соединенію с Кубанским Войсковым Правительством.

Населеніе в то время было приучено ко всяким насиліям, и все только что описанное, воспринималось не как "недопустимо", а лишь - как неизбежное.

"Хорошо что хоть честию посяят", говорили крестьяне.

"Мы не боремся с совѣтской властью, но мы объявляем войну лишь комиссарам-насильникам. . .", приблизительно такими словами формировал основную идею борьбы Пикуро от имени Отрада, в специально выпущенной им прокламаціи.

Я читал ее.

И печатана была на машинкѣ. Краткій текст совсѣм не обнаруживал у составителя способности "глаголом кечь сердца людей".

Все выражено по будничному.

На прокламаціи собственноручная подпись самого Начальника Отрада, с маленьким "завитком" у конечной буквы "о", как буд-то бы, подписывавшійся все еще колебался - поставить ли в концѣ фамиліи наследственное "а" /Пикюра/, или благоприобретенное "о" /Пикуро/.

ВЗГЛЯД СТАВРОПОЛЯ.

Комиссары испугались "тѣни партизан".....

В лунный вечер, в ночь с 7-го на 8-е июля 1918г. - мы приблизились к Ставрополю и остановились на господствующей над городом возвышенностью.

Мы оказались болѣе счастливые под Ставрополемъ, чѣм Наполеон на Поклонной горѣ под Москвой.

Здѣсь нас уже поджидала депутація города.

Полковникъ Сладков, дѣйствовавшій именем Пикуро, принявъ представителей, поблагодарил их и предложил всѣм им возвратиться к населенію их населенію и оставаться спокойными. Здѣсь губернатор выступил на сцену и в автоубойкѣ, с небольшим охмелом, отправился в город пригласить полицію и войска.

В СТАВРОПОЛІ.

Гітаб Отрада расположыўся в зданіи гімназіи /на верхнем базарѣ/.
Избавленіе от большевѣтской дѣтвольской власти Ставрополь собрал-
ся праздновать на площади перед Духовной семинаріей, по традиціи,
- всенародный Благодарственный молебном.

Средина лѣта, июль мѣсяц, а чин служенія - Пасхальный: Архидіаконы и
все духовенство - в свѣтлых ризах.

Все началось прочувственным словом Епископа и трохиратным, земно-
го, даже, изступленным трохиратным возгласом:

"Христос Воскресе - сестры и братья!"

и отвѣт:

"Вопетію Воскресе!"

Нервы не выдерживают. Всѣ кругом ридают....

Посмѣтрѣвъ я неюса, на рядом стоящаго главного виновника торже-
ства, "суроваго Икуро", а он, что называется - "не рѣка рѣкой разли-
вается" - слезы у него в три ручья и он не пытается скрывать их.

Фигуры не безпомощны, слабыя.

- " -

Большевики, по крылатому слову своего висунаго поѣа Льва Троцкаго,
уходят, сильно "хлопнули дверью"....

"А задах бывшаго Казачьяго инженерскаго училища, закрытаго в 1896г.,
произведена была гетаконба /Ставропольскаго офицерства и другой ин-
теллигенціи.

Вот почему и ридал народ на Богослуженіи.

- " -

В тот же день Икуро устроил парад своим войскам.
Трубили назадно трубачи и полки за полною проходили мимо него. Хри-
поватный голос Икуро выкрикивал:

"Спасибо за сверх-доблестную службу!"

"Спасибо Богатыри!"

Казак-старик, внѣ строя, за стѣною толпы, давал волю восторгу:

"Отец наш...."

Позже Генерал Икуро растворился в авациах толпы, в заблудившей
развратом гражданской войны. Проидохи и проходивши будут курить ему
опиум....

При других условіях, быть может, лучше бы сохранился человек, и по
другому руслу потекла бы его жизнь.

Когда г.г. офицеры пообчистились немножко - был устроен торжественный завтрак - Кукуро, Сладев и все офицеры Отрада, кто не был на позициях и т.д., Члены Рады.

В то время, как в основной массе Отрада, в рядовом казачестве было очень много людей помилых и стариков - состав офицерства, наоборот, был преимущественно молодым.

Перед завтраком, пока не подошли все, для заминти разговор - давал советы офицерской молодежи Кукуро - как обращаться с местными людьми.

Советы были пикантные...

За завтраком, вопреки ожиданию, Кукуро почти ничего не пил.

Офицерство Отрада пило, но умеренно.

Я не могу думать, что такая воздержанность была устроена в нашу честь!

По общему тону обращения - нас воспринимали как приезжих, но не особенно важных гостей.

Среди молодежи много наивных, хороших лиц. Весь поход, весь подвиг, который они совершили - для них обычное и неизбежное.

Ир и безвременья для этих лиц в Отраде, должен быть представлен в много крот безпросвещения, чем, скажем, в той же Добровольческой Армии.

Рядовое офицерство там шло во главе Вокчей с Всероссийскими знаменами. Представление об их влиянии, об их значении - могли давать надежду на торжество поднятого Знамени. Здесь же рядовое офицерство волею-неволею, в минуту сомнения - могло находить утешение лишь в общем сознании правоты своего дела и в верь, что правда эта, в конце-концов - восторжествует.

Складывалась особая конституция Отрада: офицеры, сам Начальник Отрада, в бою командовали, держали боевую дисциплину, вели все боевые учеты. Но к моменту решения всех дел общего характера - призывался и участие весь народ Отрада, старики.

И старикам, Кукуро, по его собственному признанию, обращался довольно часто:

"Как Господа Старини?" - спрашивал он.

И старики высказывались.

К их авторитету Кукуро обращался для установления сдержки массы Отрада от грабежей, насилие и пр.

Сложные чувства владели мною, когда пришлось сидеть за общей трапезой с офицерами Отрада. Лица пород были такие простые и такие близкие кубанские лица, что и нужды им и горести и радости - такие были близки и просты. И когда наступил момент и стало ясно, что нужно какими-то словами приветствовать этих простых людей, в повествовании совершаемых геройство - то, как же, сами собою подобрались образы о делах, прославляемых в пьесах, и о том, что говорится в сказках.

Была надежда, что неизчислимые жертвы во имя свободы - не будут безцельными. Что Россия будет. И будет жить Казачество. И не забудется творимый подвиг во имя Родины и блага Народа.

/ конец /.

М....

.. " ..

Бывший Главнокомандующий вооруженными силами юга России тогда, Генерал Деникин, в своем трудѣ "Счерны Русской смуты" - вот как описываетъ взятіе Ставрополя Полковником Пшуро:

"К концу іюля 1918 года, Отряд Пшуро появляется в Ставропольской губерніи, ведя удачные бои по дорогѣ с большевиками. Его движеніе опорожнѣла громкая молва о несмыслѣнной силѣ Отряда, неизмѣнной удачѣ его "Атамана", и жестоких расправах с совѣтскими властями.

Появившись 5 іюля к сѣверу от Ставрополя, Пшуро вошел в связь с Добровольческой Арміей, а городу пред, лвил ультиматум о выходѣ из него в опредѣленный срок красно-армейцев, грозя, в противном случаѣ - "начать обстрѣл из тяжелой артиллеріи".

Как это ни странно, но комиссары Ставрополя и начальник гарнизона Цпак, напуганные тревожными вѣстями, идущими со всѣх сторон об успѣхах Добровольцев - 8 іюля очистили город без боя.

Ликоваіію измученных жителей - не было предѣла".

/том 3-й, стр. 188/.

К очерку - ПАРТИЗАН ПЕТРОС

В красной пучинѣ....

Наше возстаніе против красных в концѣ марта 1918г. жестоко подавлено. Разстрѣляно и захвачено нѣсколько офицеров и видных стариков. В том числѣ и наш дорогой отец.... Начальникъ всѣхъ повстанцевъ, настоятель штаба-офицер, Войсковой Старшина Ловичинъ, поднятъ красными на-пѣтки. Его помощникъ Сотникъ А.Т. Жуков успѣлъ скрыться. Маленькій отрядъ в 600 казаков, действовавшій в тылу у красныхъ за 20 верст отъ главныхъ силъ, узнавъ о гибели главнаго отряда - уходилъ в степи отъ пол.-дорожнаго полотно. Вооруженный только винтовками и пистолетами - отрядъ не могъ противопоставить себя противъ красныхъ броневиковъ, преслѣдовавшихъ его. Казаки "потеряли сердце" и молча, пугливо, сотнями и группами, но станично, стали покидать родныя и распыляться.

Къ ночи 24 марта, в степи, остались одни лишь офицеры. Дружески посоветовавшись, с глубокой скорбью и со страхомъ "завтрашняго дня" - распылились и они....

Исколесивъ съ юго-восточную Кубань, Ставрополье, Сальскія степи и изъ советскихъ газетъ узнавъ, что Генералъ Корниловъ, якобы, занявъ Екатеринодаръ и въеромъ своихъ войскъ двинулся на сѣверъ Кубани - спѣшу къ нему, в свой Стан, в "Станъ Бѣлыхъ войскъ".

Нае двое. На станицѣ я узнаю, что Армія Корнилова прошла в Донскія степи.

Куда же вновь? - поднялся все тотъ же вопросъ.

Рѣшили отдохнуть и ориентироваться в ст. Ново-Покровской.

На извозничьѣ ѣдемъ къ моему другу и однополчанину Под-Бсаулу В.Н. Кулабухову. Чел 2-й День Св. Пасхи. Было часовъ 8 утра. Навстрѣчу идетъ народъ в церковь. Вижу знакомыхъ по полку казаковъ. Отъ нихъ прячу свое лицо, а самъ наблюдаю по сторонамъ. Попасть в ихъ сѣни руки мнѣ нельзя. Объявленъ вѣдѣ, вѣдѣ законъ....

На полуокраинѣ станицы вѣхалъ в богатый дворъ зажиточнаго казака.

"Здѣсь живетъ Володя Кулабуховъ?", спрашиваю я извозчику

"Здѣсь... но ихъ нѣтъ въ домъ... они у церкви... а вы кто такой будите?"

Расплатившись с извозчикомъ, рѣшительно идемъ в домъ и просимъ послать за Володей.

Онъ скоро пришелъ. Рѣшилъ довѣсть.

А толку, незнаю - с чего начать разсказывать, говорить, спрашивать? Тутъ меня онъ узналъ, что послѣ нашего неудачнаго возстанія, я еще не былъ дома и никто в семьѣ отца не знаетъ "гдѣ я", какъ и я незнаю - что случилось в станицѣ и в семьѣ послѣ роковыхъ событій. И осторожно говоритъ, что въ нашей семьѣ случилось какое-то несчастье... былъ арестованъ отецъ... говорили, что его разстрѣляли, но... а это и не такъ.

Внутри меня мое чутье подсказало, что отец был разстрелян, но мозги никак не хотѣли этому вѣрить, т.к. это было слишком жестоко. Володя, мой дорогой друг, чувствуя, что он сказал слишком много - стал поправляться, что это, де, были только слухи, но... м.б. это и не так.

И были "эти заботы". Нам немедленно же приготовили горячую баню. Мы купались и потом отведали дивного и ситного Пасхального казачьего объѣда.

Против нѣскольких недѣль "как загнанный волк", теперь свѣжий и обласканный - захотѣл спать.

На чистых простынях, на пуховых подушках станичного душевного гостеприимства у лучшего и испытанного долгими годами войны друга - я заснул, словно провалился в преисподнюю.

Сквозь сон я слышу, но слышу, словно издали, и никак не могу понять - откуда это и почему меня зовут: "Беда!... Беда!... вставай!... тебѣ надо ѣхать..."

"Куда ѣхать? зачѣм ѣхать?... когда мнѣ здѣсь так хорошо на мягких бѣлых пуховиках..."

Володя выводит меня из забытья. Я встаю, паскливо и благодарно улыбаюсь ему, а он, присѣв на край кровати - грустно, низко, тихо говорит:

"Беда.. тебѣ надо немедленно же уѣхать из станицы... тебя видѣли твоей сотни казаки, они очень обрадовались этому... и от радости - рассказали другим... уж вся станица знает, что ты не только что здѣсь, но что ты находишься у меня. Урядник Козьма Волобуев передал мнѣ, что об этом знает уже станичный совѣт. Совѣт муниципальный. Он может в любую минуту прибить сюда и арестовать тебя... Ты знаешь как я тебя люблю, Беда, но сил у меня нѣтъ, что бы тебя защитить. И я должен тебѣ обо всем, сказать только голую правду.

Я тебя не гоню из дому, Беда, но предупреждаю... а дальше - сам решишь. И если надо - я дам тебѣ лучшего своего коня и "бѣговня дрожки" и вы оба бѣжите сейчас же..."

Раздумывать было некогда. Это было так жестоко реально, о чем я и сам хорошо знал. И опасность приступила к самому горлу.

А вѣрный друг продолжал: "в Ставрополь скрывается мой двоюродный брат Алексѣй Иванович Кулабухов. Он священник и Член Кубанскаго правительства. Как он туда попал из Корниловской бригады - я не знаю. Но он дал нам знать о себѣ и жена его вышла к нему. Зайди к нему и скажи только два слова, что ты пришел "от Володи"... и этого достаточно. И если в их силах - они сдѣлают все возможное для тебя".

Я "все понял". Володя это не мог говорить. Нам быстро подали бѣговня дрожки с дивным вороним "рысачком" русской породы. Бабы вложили, конечно "снѣди"/ѣды/. Разцѣловавшись с другом - мы шагом, словно по дѣлам, вышли со двора.

На улицѣ мы дули. Ретивый конь "просит повода". Дрожки - словно пух. Ну, думаем мы, в случаѣ чего, и на разстояніе - не догнать нас я конному.

Вот и околица станицы. Крупной рысью двинулись мы по дорогѣ на станицу Успенскую, родину моего спутника.

Сплошная равнина. И кругом нас черное вспаханное поле для посева ярового хлеба. В степи ни души. Тихо-тихо в природе. И мы — словно "точка", видна со всех сторон.

Это плохо. Надо скрыться хоть ^сна глаз станицы. И мы пустили своего доброго коня во всю его "бѣговую прѣть".

— " "

К позднему вечеру были под Успенкой. В станицу заѣхать опасно. Мой спутник знает все дорожки изакоулки родной станицы. Он у меня за кучера. Их большое подворье у окраины станицы. Остановившись у гумна — через канаву махнул он к себѣ. В темнотѣ иду и думаю: подойдет вот красный патруль и спросит — "кто ты? куда ѣдешь? я.. что я ему отвѣчу?"

Ужасно скверное настроение. Но молодецкій мой спутник не заставил долго ждать себя. Он быстро "сѣдлает" дрожки, схватывает от меня вожжи и пускает коня полной рысью по дорогѣ к станицѣ Ново-Александровской. И когда мы миновали станицу, он говорит: "мать так обрадовалась увидѣв и ня, но, когда узнала, что вы ^я ^и со мною — испугалась."

"Бѣдѣ нельзя заѣзжать в станицу... его сейчас не арестуют", сказала мать. "И я понял", продолжает друг. "И только сказал ей — до завтра. И, даже, не повидал жену", закончил он.

Далеко за полночь мы вѣхали в Ново-Александровскую. Красный солдатскій патруль остановил нас у самой окраины станицы.

"Стой! кто ѣдет?" — вскрикнул он.

Мой спутник хорошо усвоил "советскій языкъ". К тому же, мужчина он был сильный, ловкій, смѣлый. Он коротко отвѣчает, что ѣдет к другу и назвал фамилию сослуживца-урядника. Но пока мы доѣхали до его друга — нас останавливал три красных патруля.

Это мнѣ не понравилось и это говорило за то, что станица занята красными частями и находится на военном положеніи.

Друг моего спутника принял нас хорошо, сердечно. Но нас ими ему и было сказано из предосторожности.

На утро новый план: я ѣду в Ставрополь а он домой. Свой советскій документ он передал мнѣ.

В СТАНИЦѢ НОВО-АЛЕКСАНДРОВСКОЙ.

Через станицу проходит жел.-дор. вѣтвь Кавказская-Ставрополь. Поезда ходят не регулярно. Был 3-й День Св. Пасхи. Народ празднует. От удручиваго одиночества — иду, сижу по станицѣ. У станичнаго совета — гурт народа. Собирается — совет готсвится и торжествам, послушаем "побѣды над надотами".

"Гдѣ? когда?", думаю я.

Выносят красивые флаги. Оркестр трубачей. Пестрое двинулось к вокзалу. Вокзал митинг. Из рѣчей узнаю, что побѣда заключалась в том, что Армію Корнилова оттѣснили из предѣлов Кубанской области. Сюда вернулся мѣстный отряд под командой "героя" товарища Пана.

"Слово предоставляется товарищу Панаку", говорит председатель.

В крѣг выходит человек одѣтый в черную черкешку и черную паллаху. По виду, сомнѣнно, самый обыкновенный казачишка. Он заговорил, что он гнал надотов аж да самая Данской станицы.

Конечно, ему аплодировали и кричали "ура". Потом оркестру он заказал "лезгинку" и сам пустился "вляс". Танцевал он долго и безтолково. Было очень жарко. Он во всем черном и в сапогах. Он очень вспотел. И устал. Потом неуклюже остановился на средине круга, снял шапку, поклонился всем зрителям перегнувшись "в зад" и шапкою не стал вытирать пот, струпившийся у него по лицу, шее...

Из под своей рыжей босняцкой шляпы - чертом смотрел я на этого "командира красных войск"... Простой казачишка, и вот - бунтарская стихия выдвинула его во главу анархического элемента, и он - герой...

Мне было тошно. И свое настроение я прочел на лицах и в позах двух, видимо, урядников "перво-очередного полка", стоявших почти рядом со мною.

В каракулевых черных панчонках идиотски сдвинутых "на-глаза"/по-казачьи - знак недовольства/, в загибных гимнастериках, при поясах в серебряной оправе, в черных "лабуковых" шароварах при красном Войсковом канте на них и в ярких козловых сапогах - стояли они к, явно, иронически смотрели на все это, как и с презрением к герою Шапу, и.б. их однополчанину славного 1-го Кубанского полка, и.б. и одностаничнику.

В СТАВРОПОЛЬ У А.И. КУЛАБУХОВ.

На утро был первый побед в Ставрополь. И час-другой на площади 3-го класса, по родной степи - дали мне спокойствие и приятное ощущение "свободы" - что тут уж никто за мною не следит и не ищет. А степь... она, родная, была все так же хороша, словно ничего и не случилось ни на Святой Руси, ни в Родном Кубанском Войске.

В Ставрополь, прямо с вокзала, иду на Станичную улицу, по адресу А.И. Кулабухова. На мой звонок вышла хорошо сложенная, сильная и полная, оч. приятная интеллигентная дама, явно и городского нрава. И я определил, что это, видимо, и есть жена Священника Кулабухов.

"Здесь живет А.И. Кулабухов?", спросил я ее.

Женщина замолчала. Тогда я добавил: "я прибыл из Ново-Покровки, от Володи..."

И этих слов, в действительности, оказалось достаточно. Она сразу же преобразилась в приятную улыбку, в ласковость и доверие и немедленно же впустила в гостиную.

"И сейчас...", сказала она и скрылась.

Долго никто и не показывался. Потом тихо, почти неслышно, открылась дверь и вошел высокый сухой стройный брынет лет 35-ти. Он имел правильные черты лица, бледное матовое лицо и грустные углубленные глаза.

Я привстал.

"Я Алексей Иванович Кулабухов... с кем мне честь говорить?" - тихо, грустно, но ласково спросил он и подал руку.

Мой короткий рассказ о себе полностью удовлетворил его. Мы ведь были соседи по станицам своим. Он все понял, как и надо было понять своему брату-казану.

Он тихо, устало опустился в кресло.

Окончив коротко рассказ о своей "одлессе" - я сразу же спросил об Армии Генерала Корнилова: где она? что с ней?

"Я эдак ссырился от красных. Я не выхожу из дому. За ночь аресты происходят немедленно разстрелы. Я, видишь, Член Кубанского Краевого Правительства. Я строго запретил жене говорить кому бы то ни было обо мне. Ваше счастье, что Вы назвали меня Володи, моего двоюродного брата. Жена не выдержала. Это слово ее подкупило. Вы так убедливо и доверливо ей об этом рассказали, что она... она и призналась обо мне. Я ее поругал за это и вот, вышел к Вам с полной доверчивостью как и своему Кубанскому назаку и офицеру, к тому же, однополчанину и другу нашего Володи, которого мы все очень любим и ценим!" - проговорила все это она тихо и без остановки.

И продолжала: "так, вот - Армия ушла в Донские степи на переформирование. Там и наш Кубанский Войсковой Атаман Николай Филлипов, все Краевое Правительство и Рада. Там и наша Кубанская Войсковая часть. Армия небольшая, но хорошо дисциплинированная. Есть надежда, и пр." - проговорил он мне не торопясь - дельно, внятно, доверительно.

Говоря это - он ни разу не назвал имя Генерала Корнилова, а вы, конечно, держалась эта Армия и чье имя зовет и себя всех патриотов и чьи имени пугают красные - почему я и спросил: - "А Генерал Корнилов?"

Алексей Иванович на минутку остановился и посмотрел вниз на свои ботинки. И потом тихо, как то, особенно грустно, сказал:

"Генерал Корнилов сейчас не руководит Армией. Он тяжело ранен. Сейчас руководит Генерал Алексеев".

Эта новость меня удивила и поразила. Я очень полагался Генерала Корнилова, и подумал: значит бои были сильные, если ранен сам Командующий.

На мои новые вопросы об Армии, он дополнил: "... в Армии только 4 орудия; патронов мало; приходилось воевать в невыгодных условиях, потому и были большие потери".

"Как Вы попали сюда?" - спросил я его все новыми и новыми вопросами.

"Три сотни казаков были посланы в станцию Ново-Александровскую. Для успешной мобилизации казаков был послан я как Член Правительства. Наш налет был сделан ночью и удачно. Я расположился у своего друга. Но красные в эту же ночь перешли в контр-наступление и убили казаков. Я был отрезан от них и не мог соединиться. Скрывшись в станице - потом, вот, пробрался в Ставрополь. В город быть больше бесполезно. Зато я дал знать о себе в станицу и прибыла только жена".

Весь его рассказ меня, как бы, оживил. Я почувствовал, что не я один в несчастии, что Армия жива, значит надо терпеть и ждать.

Приютить он меня не мог, да это было так понятно и без слов. Просил меня быть осторожным и его имени не упоминать ни кому, что было так же вполне понятно.

На меня А.И. Кулабухов произвел глубокое впечатление. Он был, безусловно, большой казак, болезненно переживавший эту ситуацию в России. Весь его внешний облик - высокого стройного и красивого брнета с правильными чертами лица, удрученного трагическими событиями, одетого во все черное /брюки на-выпуск и черная куртка со стоячим воротничком застегнутая на

всё кричал: - было абсолютно лишено какого бы то ни было стремления к светской жизни, или жизни для личных удовольствий, эгоизма, или каких бы то ни было отрицательных воцеленій личного запроса. В нем в всем была резко выражена грусть и глубокий траур. На лицѣ не было и признака слѣда ли радости или улыбки. И это лицо, казалось мнѣ, не умѣло улыбаться. И оно тоном и думает о том - как бы сдѣлать людям добро, не заботясь о себѣ.

"Чорный Ричард", или - "Монашествующій Ричард" - было бы имя кстати ему.

Своими правильными чертами лица и высокою стройною фигурою - он был похож на благороднаго чернеца.

Я его видѣлъ тогда в первый и в послѣдній раз.

В концѣ лѣта того, ав года, по дѣлам службы от Куро, ^{п.}робавая старшину Ново-Покровскую и заѣхавшу по пути к Под-Есаулу В. И. Кулабухову. Он только что женился на Маріинской институткѣ, дочери Генерала Аванкина, назначеннаго Атаманом Баталпалинскаго отдѣла. Послѣ всего пережитаго - встрѣча наша была исключительно душевная. Тогда я уже все знала о смерти Генерала Корнилова, почему и спросил своего друга - почему тогда А. И. Кулабухов сиззал мнѣ неправду о гибели Вождя?

И вот что я услышал - "что именно просил передать он, если Володя встрѣтит меня".

Имя Генерала Корнилова было так высоко в сердцах всѣх русских патриотов. Только этим именем держалась Добровольческая Армія. Только это одно имя звало всѣх в его ряды, куда шли всѣ, не разсуждая, слѣпо вѣря в этого Героическаго человѣка и большаго Русскаго Патриота.

Армію переживала, почти, полную гибель. Но мы вѣрили. Надо было только передохнуть. Но сказать тогда, что Генерал Корнилов убит - это значит - вырвать вѣру из сердец многих.

Вот почему я и скрыл это от Под-Есаула Елисѣева" - закончил он.

Комментаріи здѣсь излишни об А. И. Кулабуховѣ как о большом Кубанском казацкѣ, глубоко переживавшем смуту в Россійском Государствѣ.

.. * ..

Обѣ семьи Кулабуховых были замѣчательными казаками и признано хорошими людьми в своей станицѣ. Отцы их относились к той категоріи, которые находили, что - своих дѣтей они должны "учить". А. И. Кулабухов был в Екатеринодарѣ, в Правительствѣ, в станицѣ же жила его жена с двумя дочурками - подростками, ученицами Екатеринодарскаго Маріинскаго Института. И считал своим долгом сдѣлать ей визит. В гости к ней прибил ея родной брат, на льготѣ урядник Останков. Богатый казак, почти интеллигентный человек, в хорошем длинном, свѣтлой матеріи, бешметѣ при кинжалѣ в дорогой серебряной оправѣ - он был принятъ во всѣх отношеніях. Во всѣх них я увидѣлъ столько любви, искренности и уваженія друг - к - другу, что, просто, было больше чѣм пріятно находиться в их обществѣ. Это были образцовыя казацкія семьи в станицѣ Ново-Покровской, которых всѣ любили и уважали, как и гордились ими.

Тогда

Менѣ чѣм через пол-года, страшною смертыю погиб Алексѣй Иванович Кулабухов, а чуть позже - и Под-Есаул Владимир Николаевич Кулабухов.

.. * ..

В город террор. Прошел слух, что с Кубани, на Ставрополь идет с большим отрядом "Полковник Шкура". Красная печать подняла террор. Это совпало с составкою в Ставрополь тела красного командира-матроса, погибшего в бою "с кадетами" где то на севере губернии. Похороны его произведены были торжественно, с участием всего гарнизона, с явной целью - показать населению всю мощь красной власти.

Население насторожилось, узнав, что где то есть "фронт", а значит - где то идет борьба, следовательно - можно ждать освобождения от нестойкой власти. С появлением же недалеко от города Отрада Шкура, газеты запугивали: "товарищи! не поддавайтесь на удочку, если в город войдет Шкура..."

Отрада Шкура, т. е. об.

В одно раннее утро, мы услышали пальбу в город. По улицам сидели красные френчевки и юнны матросы. Под страхом разстрела на мосты - жители воспрещено было выходить на улицу из своих квартир.

После полудня все успокоилось. А к вечеру узнали, что в виду подхода к городу Отрада Шкура - было "офицерское возмущение", которое, теперь, подавлено.

Как и во многих возмущениях против красных - вначале был успех. Один отряд офицеров занял, да и, красноармейские казармы, но другой отряд, куда то, и своевременно, не прибыл... что то струсил и не выполнил своей задачи и... все погибло. Офицеров ловили и разстреливали как куропаток. Красный террор разразился во всей своей вакханалии. Отрада Шкура, по слухам, прошел восточные города верстах в 10-ти и скрылся где то на севере губернии. И сколько было у него войск - никто толком ничего не знал. Некоторые говорили, что "отряд Шкура", это "мш", выдумка красных, что бы возбудить в населении "надежду", толкнуть офицеров на возмущение, что бы, как бы, легально - произвести разстрелы, узаконить террор.

И они добились своего: жизнь в город замерла. Теперь в нем полностью властвовали только матросы. В своих бальных летних костюмах, с револьверами, заткнутыми спереди отирито за пояс - они были страшны... На реквизиционных казачьих строевых лошадях, тех лошадях, на которых храбрые Кубанские полки исколесили почти всю гористую Персию и Турцию за 1914 - 1917 годы войны, которых поили в далеких и жарких странах - Кубани, Персии в Турции как Аракс, Евфрат, Кара-су, Вилейский Тигр и др., а в Персии в далекой Иессопотамской Дияду, на которых Кубанские казаки взором и правдой служили своему Великому Отечеству, на которых только что вернулись к себе на Кубань, на заслуженный отдых - на них теперь, на этих пылких нервных и благородных Кабардинских скакунах, эти здоровые и мясистые матросы-увальни, на высоких казачьих сёдлах, словно гориллы на забор - они жестоко, глупо и по-дурацки скакали по каменным мостовым города, резко дергая поводьями, рвали губы этим гордым лошадям, терроризируя их своим полным и отвратительным непониманием того - что они хотят от этого благородного существа, коим считалась "Кабардинская порода" лошадей.

Я возманился матросов.

Ах, если бы была хоть одна сойка казаков "перво-очередного полка" мирного времени с дисциплиною слепого повиновения своим офицерам, то с ней, нежданно наскочить бы на город... его ведь можно сразу же пройти и очистить от всей этой "революционной пены" - думал я, глядя на этих матросов зло и ненавистно, одетым в штатский костюм неопределенного покроя и цвета.

Уже настал июль месяц. Красный террор, как буд то, утихнул, но про-
света и освобождения не видно было. Главное - не было абсолютной никакой
связи с окружающей миром. Красные газеты пишут только о своих делах, о на-
падениях на передовых в какой то Черноморско-Кубанской советской респу-
блике и Северо-Кавказского района, о своих вождях Артамонов, Гусев, По-
лушин и др., об их разногласиях, которые ничего не дают ни обществу, ни
его миру, хотя "все их разногласия" - вызывает во мне только чувство го-
рести.

Одиночество и невзгоды "завтрашнего дня" томиле меня особенно
острой. Я завидовал всем, кто жил нормальной жизнью в своем городе. Я за-
видовал связным интелли, свободно привозившим на базар для продажи
свои овощи и фрукты. Я завидовал извозчикам, мирно занимавшим свои про-
мысловые трудом. Я завидовал всем женщинам, еще оголаженным в своих прила-
дочных туалетах, т.е. красный террор тогда - еще не распространился
на них, как на "слабый пол"....

Я хандрил и тосковал. И освобождение города от красных, притом так
неожиданно, загадочно. И оно было неожиданно и загадочно лишь потому,
что красная власть держала город террором и в газетах писала только
выгодное для себя.

Но - чем неожиданнее пришло - тем оно более слаще.

П О Я В Л Е Н И Е "Б Ъ Л Ы Х".

7-го июля ст.ст., в Ставрополѣ, с утра, было замѣтно какое то нервное
движение в красных войсках. Из казарм выходили красноармейцы, спѣшно гру-
зили на подводы разные вещи и двигались к югу. Обыватель, давно постав-
ленный в полное невѣдѣние всех распоряженій красной власти, видѣя и здѣсь
ему непонятное передвижение войск. Думали, что они идут, видимо, на фронт.
Но - на какой? гдѣ этот фронт? да и есть ли он вообще? ..

Никто этого не знал, и меньше всего знали, что он находится тогда в
одном лишь переходѣ от города.

Красноармейцы шли быстро, слегка озабоченно, но не в паникѣ.
Думая, что они также ничего не знали о событіях на фронтѣ.

К вечеру того же 7 июля, город, буд то бы, очистился от красного гар-
низона. На улицах было замѣтно усиленные наряды милиціи из городских
интелли. Некоторые персонажи были интеллигентнаго вида и, как буд то, с
офицерской выправкой. В городѣ стояла та тишина, которая бывает перед
грозою, или послѣ нея. Но толком никто ничего не знал и боялся распра-
шивать.

Часов в 5 вечера, находясь около зданія Духовной Семинаріи, вдруг ус-
лишал, что - "в город вошли бѣлые"....

Сорвавшись с мѣста - побѣжал на Воронцовскій Проспект. Там, у гостини-
цы возлѣ городского театра, стояла грузовик-автомобиль с пулеметами
"для боя" и с номерами к ним в офицерских, настоящих офицерских погонах.
Все угловыя улицы полностью были затоплены интелли города, но еще не
ликующими. Народ, словно, боялся вѣрить тому, что видит их глаза.

"Уж не три ли новыя накой то от красных?" - думали все. Но поведе-
ніе офицеров при пулеметах, уж не вызвало сомнѣній, что это есть на-
стоящіе "бѣлые".

Из гостиницы вышел небольшого роста Генерал, не старшій собой, скром-
но одѣтый по-походному. Тут же в толпѣ появились летучки/почтальоны воз-
вращающіе подписку - "в. губернатора Ставропольской губерніи Генерала
Уварова".

Поблизости Генерал и был Уваровым.

От радости, от чувства радости "освобожденит" - толпа неистово разразилась криками "ура". От радости, от захватывающего меня чувства "освобожденит" - я, словно, оцепенел. И лишь когда многоголосная толпа едва-ликовала в своем счастливом "ура" - я опомнился и тайно стал кричать в унисон толпы.

В следующий момент, я не знал - что же мне дальше делать? Думаю, это не знала и вся толпа людей, находящейся здесь. Она стояла компактной толпой, смотрела на прибывших "белых офицеров", что то говорила между собой, многие плакали.

Я почувствовал в своем организме необходимое стремление "двигаться". Все во мне, словно, "зачесалось". Я должен был двигаться, что то делать, помогать кому то в чем то, что то производить, но никак не стоять на месте.

Мне захотелось говорить, высказывать свою радость, захотелось "кричать", но... никого экономях вдруг меня не было в чужой город.

Я был один и был чужой в многоголосной чужой толпе.

Пробравшись вниз по Николаевской улице, там я обнаружил все "затопленное" народом: тротуары, кофейни, всю улицу, по которой не только что нельзя было проехать, но трудно было и пройти. Там, за плачущими лицами, я видел и поворженные. Видел лица огнем злобы и мести. Тут народ очень шумно выражал свои чувства. Среди толпы появлялись редкие офицеры в погонях, только что вступившие в город. При появлении их - толпа бурно приветствовала. Офицеры же, молодецки отклинувшись - ласково улыбались всем.

Совершилось что то совсем не понятное, и совершилось так неожиданно, и без борьбы, даже и без единого выстрела, и так быстро, что думалось: тут не сон ли это?

Но я слышу точные разговоры людей, выражающих свою нескрываемую радость. Я вижу восторженные улыбки и слышу слова о том, что город освобожден от красных.

Я протиснулся в кофейню. Группа мужчин моего возраста стояла у столика и жадно глотала кофе. Их лица измучены. Костюмы потерты. По их разговору и их виду, я заключал, что они все истинные офицеры и только что вышедшие из своих убежищ, где они прятались после неудачного восстания. На худож и измученных лицах, мне так были понятны их ярко-возбужденные глаза, горящие огнем негодования к насильникам и нескрываемой радостью к совершившемуся. Один из них, особенно измученный, заказивал еще одну чашку кофе.

"На последние"... говорит он. "Теперь можно это позволить... времена перевернулись..."

Рядом до полуночи толпился народ на улицах и не хотел расходиться. Но, войска, белых войск, ни, все же, еще не видели.

И я уже боюсь, как бы красные не сделали заградный. Но радость настолько была велика, что страшно было думать, что красные могут вернуться.

ВХОД В ГОРОД ПАРТИЗАН И КУРО.

С утра и уже был на Николаевской улице. В этот день ждали не только что убедились в реальном занятии белыми войсками нашего Ставрополя, но и наблюдали вход их в город. Я был счастлив вдвойне наблюдать это потому, что в город входили родные кубанские казаки, Партизаны Полковника Кура, которых мы так ждали три недели тому назад.

То входила целая дивизия Хоперских и Лабисских казаков. В колонне "посри" - тихо, немного устало, поднимались они по Николаевской улице в верх от вокзала.

Ито же они были, эти казаки, возставшие "против трудового народа"?

В потрепанных черкесках, в гимнастерках, в одних башкетах, или, просто в обычных длинных станичных широких и длинных рабочих рубашках разных цветов - заплечные, набитые, как буд-то уставшие или долго не бывшие в походе - они шли долго, сильно р стигнувшись в своей колонне. На пальцах у всех были белого цвета полоски на палец с верку в низ, чуть казались, как значительный знак, что они принадлежат к войскам "Белого Стана".

Казаки были разных возрастов. Подростков среди них было очень мало, но зато много казаков было пожилого возраста. Все были самые настоящие казаки-землеробы - ошарпанные, обветренные, загорелые в походы и в труд по своим станицам и селам, оставленным в руках красных.

У всех были уставшие лошади, как и исхудалые. Все были одеты "как попало". На некоторых темно-бурые войлочные осетинские плащи. И трудно было отличить - где были г.г. офицеры, урядники и рядовые казаки. Это был поистине "возставший Стан Казачий, где всея всякому был брат".

Все были без погон.

Вооружены были чем и как попадо. У многих карабины и "обрызы". Они их держат/носят/погонимы ремнем на передней луге, дулом вниз и под левое колено.

Это чисто "по-горски".

Некоторые держат их погонным ремнем на правом плече, локот под мышкой, что бы при встрече со врагом, сразу же схватить его на карьерь одной правой рукой не выпуская повод из левой и дать рывок и следовательно выстрел по противнику. Некоторые были вооружены "берданками" и и, даже, охотничьими ружьями.

У многих были заши строевые переносные козловые сумы, где, душой, кроме крахмала хлеба, или шатка сала, или заплечной рубахи, да лезвия зеркала для своего коня дружка-верного - больше ничего и не могло быть.

У некоторых были бури в тороках, этот "казачий домик черной бурой".

Казаки этих двух полковых Округов - Хоперского и Лобинского - воспитанные своими станицами между Черкесскими аулами, довольно переняли некоторые навыки своих куналов. Своим видом, своей легкой посадкой в седло, обремененным своим станичным костюмом без соблюдения каких либо форм и дрессиров - они теперь представляли собой доподлинное "иррегулярное войско", поднявшее свое Знамя возстанія всем миром против красной власти и обреченные довести эту свою борьбу до победного конца.

За сотнями следовал "обоз" - два-три полупустые мажары с хлебом, зерном и больными казаками. И черами были седые бородастые отцы. И "дробные" мажары привязаны осёдланные кони больных казаков.

И думалось мне, смотря на эти "санитарные обозы повстанцев", что по сигналу "тревога" - у их эков мимо проходила великая "хворь", он волновал в седло своего коня, и скакал в строевые ряды своей сотни, там было очень опасно, чем в обозе своем, столь несчастном.

И тому же - у них ведь "тыла" не было!

И, словно, маленьким диссонансом, было: за одним мажаром над верхом очень молоденький офицер, красивый собой; он был так же в потрепанной, но хорошей "дачки" черкеске, с шапкой "с кинжалом", богато отделанной серебром. Под ним был подюрынный, но красивый конь светло-золотистой масти.

Из под черненьки было видно дорогое сѣдло. Офицер был очень блѣден и, явно, болен. Ему, словно, было совѣстно, что он не в строю, как и знал, что на него смотрит многочисленная толпа, почему он скромно и правильно сѣл в сѣдлѣ и смотрѣл только вперед, на голову своего коня.

С послѣдними рядами казаков, двинулся и я в верх, на базовую площадь. Там были выстроены все полки и сѣялены. Многочисленная толпа людей окружала строй казаков и щедро угощала их всем, чем могла. На удивление — казаки были очень скромны и мало разговорчивы. С удовольствием принимали только папиросы. Перед их строим стояли Командиры, которые своими "замизганными" в походѣ видом и одеждою — совершенно не отличались ото всей массы своих подчиненных.

Вот перед сѣяющимися казаками даст какое то распоряжение особенно характерный по своему выѣженному виду Начальник: на нем длинная рваная сѣрая черненька, полы у которой, словно, "оборваны собаками"; маршбля, одѣтый погонышным ремнем на правое плечо и лямей под мышкой, дулом винта на ногах черныя суконныя или холщевыя пагошицы, блестящие своей потерто-стью временем и путлищами для стремян и чевяки-постолы без подонка сѣрой немытой кожей, смитых примитивно бадаком/утильничком/ через край; сзади лишь цѣлью — что бы охватить ступню на головѣ у него ширококрылат темно-бурый войлочный маршблевый шляпа табушник.

Абрек... настоящий абрек — думаю я, смотря на эту оригинальную импозантную и очень стройную фигуру молодого партизана.

"Кто это?" — спрашиваю я ближайшаго в строю казака.

"Да Сотник Брянецев... наш Командир полка"... запросто отвечает он.

Герои... Герои... и никто о Вас ни рассказал, и не написал до сего времени о Ваших славных подвигах тѣх времен!

Гдѣ Вы теперь?!

Да и много ли из Вас осталось в живых?!

В СТАНѢ ВѢДЫХ ВОЙСК.

В этот же день был приказ по гарнизону: всем р.г. офицерам зареги-стрироваться завтра же.

Нас явилось не одна сотня. Все откликнулось с порывом. Заехавши — мы в "Казачий Штаб", к своим. Он помещался в том же Стелѣ, только на 2-м этажѣ.

"Фед-дя?" — слышу радостное восклицание, поднявшись в корридор и жимом попадаю в объѣтъ своего однопольчанина по мирному времени и однокурсника по Военному училищу Есаула Саши "Юльничков".

"А мы получили сведенія, что ты разстрѣян послѣ возстанія", тихо говорит он и тут же тиснет за рукав, что бы немедленно не предста-вить меня "Атаману Екурю".

По совпадению, Войсковой Старшина Екуро выходил из своего номера. Саша "Юльничков" отчетливо аттестует меня со всех положительных сторон и пр. Екуро пріятно улыбается, безо всякаго начальническаго фасона подает мнѣ руку и быстро, весело говорит: "ну, конечно — вы и нам, и нам..."

Так же радостно улыбаясь, даю немедленно же свое согласие посту-пить в строевые ряды войск "Атамана Екуро" и он куда то сильно ухе-дит.

С.А.Г.Икуро, в 1910 году, мы были в одном полку - 1-й Терской дивизии, Козловаго Атамана Чепьги. Он был тогда Хоружий, а я тогда Хоружий. Мы были разных сотен. Его я видел и раньше, а теперь он был и не знает. Иг.г. офицеры и казаки полка, всегда называли его "Хоружий Андрей Икура", т.е. - обязательно называли его "Хоружий" и ставили ударение на букву "а". Он и тогда был немного оригинален в своей жизни и казаки любили его за молодецкое веселье и песни, в которых он никогда не забывал своего брата-казака.

Я не видел его ровно 8 лет, но сразу не узнал, т.к. он много переменился внешне, иль - совсем не переменился.

Икура куда то уехал и мы остались вдвоем с Псауном Мельниковым. Его я не видел 4 года. Он сын Директора гимназии, который недавно разстрелян. Мельников коренной Хопер, писатель, музыкант, сольный певец. Широкий по натуре, развитой. Он культурный. Гибель отца его озлобила. Икура - он самый близкий и доверительный человек, которого он брал с собой в Тихорецкую, вдуши с докладом Кубанскому Краевому Правительству.

И он мне говорит: "мы Андрей Григорьевича зовем "Атаманом", потому что у нас имются казаки Хоперцы, Лабинцы и две сотни Терских казаков. Он, как бы - Кубанско-Терский Атаман."

На мое удивление "такому званью" - мой дивный друг, с улыбкою, ответил: "это Андрей Григорьевичу очень нравится". И продолжал: ему Икура поручил организовать Партизанский отряд.

"Прошу тебя к себе, Федя, на должность Командира сотни".

Я дал согласие.

В тот же день в Ставрополь вошел 1-й Черноморский полк под командованием Полковника Н.П. Малишенико и поступил в подчинение Губернатору для наведения внутреннего порядка.

Начались спешные формирования. Из ближайших станиц немедленно же стали прибывать казаки. На базарной площади масса казачьих подвод, я конных и пѣших казаков: то формировался 1-й Кубанский полк. В новом их Командиръ, Войсковой Старший Фостиковъ, узнал бывшего Адъютанта 1-го Лавинского полка по Турецкому Фронту, когда он был Сотником.

Он в короткой бурке поверк гимнасторию, на которой красуется Орден Св. Владимира 4-й ст. с мечом и бантом. Узнав меня - он "козыряет" дружески и чисто по обер-офицерски, жмет любезно руку и приглашает "в свой полк" командовать сотней.

Я благодарю, улыбаюсь и говорю, что занят, и состою в Отряде Икура.

"Очень жаль"... бросает он. "Так мало теперь кадровых офицеров" - добавляет.

Разговорились обо многом, как старые соратники. Оказалось - он так же скрывался в Ставрополе.

В полуштатском костюме. За три месяца после нашего восстания, скрываясь от красных властей, я переменил много мест жительства и квартир. Все мое имущество было на мне. О разстрѣл нашего отца я узнал только через 2 месяца, как и наша семья узнала о моей судьбе так же после этого промежуток времени. Горе в семье неопишное.

Я хотѣл повидать могилу отца, поклониться ей, как и должен был по-
видаться и успокоить пять несчастных женщин - 70-лѣтнюю старушку-ба-
бушку, 50-лѣтнюю мать, теперь вдову и трех подоростков-сестреноч гимна-
зисток, старшей из коих, Надеждѣ, было 15 лѣт.

К тому же - мнѣ нужно было одѣться в военную форму одежды, вообще -
привести себя в военно-походный вид.

Шкуро меня понял и дал три дня отпуска.

Я выѣхал в свою станицу. /Нонец в брошюрѣ П 2-й/.

Полковник Елисѣев.

- * -

Записки этого періода закончены 7 февраля 1941 года в Индо-Нитаѣ,
в городѣ Сайгон.

Сокращено и выпущено в печать в февралѣ 1955 года, в Нью-Йоркѣ, в
Сѣверо-Американских Соединенных Штатах.

- * -

Послѣ 2-х брошюр "ПАРТИЗАН ШКУРО", как продолженіе, будут выпущены:

1. Корниловскій конный полк в Закубаньѣ и в Ставропольѣ в 1918-19 годах,
/три брошюры/.
2. Корниловскій конный полк на Манычѣ весной 1919 года.
3. С Хоперцами от Воронежа и до станицы Невинномысской зимой 1919-20г.г.
4. Лабинцы и послѣдніе дни на Кубани в 1920 году.

- * -

Выпущены брошюры типографским способом:

1. Исторія Кубанскаго Войскового Гимна. В ней - портрет послѣдняго Кубан-
скаго Войскового Наказнаго Атамана Генерала М.П. Бабыча, Гимн на нотах,
старый Войсковой Герб, Дѣя группы г.г. офицеров 1 Кавказскаго полка на
Турецком фронтѣ 1914-16г.г. и карта походов полка по Турціи в этой войнѣ.

Цѣна каждой брошюры - 0.50 ам.ц.

Выписывать по адресу: Mr. Elyseer.

502 W. 117th St. Apt. 1C.

New York, 33. N.Y.

U. S. A

Брошюра "Партизан Шкуро" П 2-й - выходит через недѣлю, поэтому, кто
желает - может выписывать обѣ брошюры - одновременно.

Ф.Е.

